

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Первое издание рецензируемой книги (далее ДНД-1) вышло в свет в 1995 г. Оно содержит, с одной стороны, систематический обзор главных особенностей средневекового диалекта Новгорода и Пскова и проблем, связанных с ним, а с другой, практическое издание всех (кроме самых незначительных) берестяных грамот и некоторых других текстов, важных для понимания средневекового диалекта Новгорода и Пскова (они расположены в хронологическом порядке и снабжены всевозможными вспомогательными материалами – переводами, комментариями, словоуказателями и т.д.). Критика приняла работу, в основном, с воодушевлением и, судя по доступным нам данным, читатели тем более. Книга успешно восполнила пробел между академическими изданиями берестяных грамот, доступными только узкому кругу специалистов, и знаменитой популяризаторской книгой В.Л. Янина “Я послал тебе бересту...” (три издания: 1965, 1975, 1998). Главным достоинством ДНД-1 является великолепно продуманная внутренняя организация, предоставляющая читателю возможность сравнительно легко и быстро проникнуть в язык и содержание берестяных грамот.

Новое издание (далее ДНД-2) воспроизводит структуру предшественника (иногда совершенствуя ее) и учитывает как берестяные грамоты, обнаруженные между концом 1994 г. и концом 2003 г., так и результаты берестологических исследований, проведенных в последние годы, прежде всего в области датирования (ср., например [Зализняк 2000]).

Бросается в глаза количественный рост книги. В то время как ДНД-1 насчитывает 720 страниц, в ДНД-2 их уже 872, причем страницы нового издания и чуть больше по формату. Можно сказать, что около двадцати процентов материалов ДНД-2 является новым по отношению к ДНД-1, не считая многочисленных случаев более или менее основательной переработки уже существующего текста. Количество нового текста приблизительно соот-

ветствует количественному росту корпуса берестяных грамот, имевшему место в последние десять лет (с. 15–16).

Введение (с. 3–8) посвящено заметкам общего характера – задачам и строению работы. Им предшествует краткое изложение терминологического аппарата, состоящего из пяти “идиомов” (по терминологии Марузо [Марузо 1960: 114]), которые, по мнению автора, следует различать “при описании языковой ситуации в Новгородской земле XI–XV вв.”, а именно: 1. Церковнославянский язык; 2. Наддиалектная форма древнерусского языка; 3. Древнепсковский диалект; 4. Совокупность восточноновгородских говоров; 5. Диалект самого Новгорода и непосредственно прилегающих к нему районов.

Сравнительно с ДНД-1 здесь появились некоторые инновации:

(а) Термин “стандартный древнерусский язык” заменен выражением “наддиалектная форма древнерусского языка”, во избежание нежелательных ассоциаций с языковым нормированием в современном понимании (ср. также с. 3).

(б) Терминология больше не отражает общепринятую, но далеко не общепринятую (и к тому же для средневекового Новгорода не очень релевантную) гипотезу о возможной исторической связи между, с одной стороны, определенными единицами вышеупомянутой терминологической системы и, с другой, восточнославянскими племенами, известными из ПВЛ. Вместо таких формулировок, как “севернокривичский диалект (или все кривичские диалекты)” (ДНД-1, с. 36), теперь читаем, к примеру, “новгородско-псковский диалект” (ДНД-2, с. 41)¹.

¹ Термин “кривичский ареал” иногда употребляется в работе приблизительно в значении “ареал, где встречаются говоры новгородско-псковского диалекта” (ср., например, с. 52).

Нам представляется, что упомянутые изменения значительно повышают функциональность системы. Ценно это главным образом потому, что языковая ситуация в средневековом Новгороде отличалась, судя по всему, определенной запутанностью, так что все постоянное рискует помешать читателю.

Само собой разумеется, что роли, отводимые в рецензируемой книге отдельным элементам изложенного выше пятичленного понятийного аппарата, сильно различаются между собой. Работа посвящена преимущественно ранней зафиксированной фазе (XI – нач. XIII в.) идиомов 5 и 3 (ср. с. 8). Более конкретно: главным предметом ДНД-2 являются специфические восточнославянские говоры, непосредственно продолжающие общеславянский диалект, противостоящий всему остальному славянскому миру тем, что в нем отсутствует эффект второй палатализации и присутствует окончание *-е* в им. падеже ед. числа муж. осклонения (тип *посадыньке*). Судя по имеющимся данным, в первую очередь по берестяным грамотам, именно к этому диалекту принадлежали говоры коренного населения Новгорода и окрестностей. Восточноновгородские же говоры (идиом 4), которые, по-видимому, продолжали общеславянский диалект, в принципе не отличающийся от нормального славянского состояния (судя прежде всего по ономастическим данным), в ДНД-2 существенной роли не играют, главным образом потому, что они пока слабо документированы на материале конкретных текстов (ср. с. 14–15).

Место церковнославянского языка (т.е. идиом 1) в комментарии не нуждается. Иначе обстоит дело с идиомом 2, т.е. с “наддиалектным древнерусским”. Как уже было известно ко времени выхода ДНД-1, в течение двенадцатого столетия писавшие берестяные грамоты, по крайней мере в Новгороде (для Старой Руссы и Пскова соответствующих данных пока не имеется), постепенно начинали заменять некоторые особенности местного говора (идиом 5) их географически более распространенными эквивалентами: например, тип *посадыньке* стали заменять типом *посадынькѣ*, хотя нет сомнения, что у себя дома продолжали говорить *посадыньке*. При этом имеющийся материал довольно ясно показывает, что данные замены, во-первых, не следует понимать как церковнославянизмы (хотя чаще всего формально они совпадают с соответствующими церковнославянскими особенностями) и, во-вторых, что они в стилистическом отношении не являлись нейтральными, а ощущались средневековыми новгородцами как подходящие в первую очередь для более или менее официального или

формального стиля. Об этом свидетельствуют разные данные, например, корреляция между выбором типа *посадыньке* или *посадынькѣ* и орфографической системой, которую мы находим в обновленной Таблице 5 (с. 101).

Современному человеку необходимо определенное напряжение, чтобы понять всю многозначительность данного процесса, ибо для нас нет ничего более естественного, чем пользоваться “нормированной” или “общенародной” разновидностью языка в письмах властью имущим. Но, каким бы естественным нам ни представлялось такое положение дел, оно должно иметь свои исторические корни. Ибо наддиалектной формы древнерусского языка не существовало до того момента, как впервые какие-то новгородцы стали рассматривать свой родной говор как неподходящий для формальных писем, даже к другим новгородцам. Вопрос о том, как и когда это произошло, представляет собой один из ключевых вопросов, касающихся русского языка как общественного явления. Ниже мы еще вернемся к этой теме.

Часть первая (“Грамматический очерк древненовгородского диалекта”, с. 11–226, ср. в ДНД-1 с. 9–210) осталась в основном без изменений. Однако некоторые новшества заслуживают внимания.

Возможность сюрпризов даже на современном этапе берестологии наглядно иллюстрирует обнаруженная в 1997 г. берестяная азбука (778), где как особые единицы (т.е. графемы) фигурируют отдельно большой юс классического вида и большой юс “без вертикального среднего штриха” [НГБ 11: 16]. До сих пор эти две разновидности большого юса рассматривались как варианты одной и той же графемы (ДНД-2, с. 30). Документов, в которых употреблялись бы два больших юса друг возле друга, пока не обнаружено, но это вряд ли может вызвать недоумение, поскольку большой юс без вертикального среднего штриха вообще в текстах появляется крайне редко.

В разделе “Краткий обзор исторической фонетики” (с. 38–92, ср. ДНД-1, с. 33–75) прибавлены два новых параграфа, а именно § 2.15а “Вопрос о протетическом [j]” (с. 53–54) и § 2.15б “Мена редуцированных” (с. 54–55), частично содержащий материал, перенесенный из § 2.22. К счастью, такие перестановки текста в книге встречаются редко, причем всегда мотивированно.

Примечательное новшество касается как раз одного из явлений, острее всего отделяющих новгородско-псковские говоры от южных и восточных соседей. Как упоминалось выше,

новгородско-псковские говоры отличаются от всех остальных славянских диалектов в первую очередь тем, что в них не была проведена вторая палатализация, тогда как эффект прогрессивной (бывшей третьей) палатализации можно наблюдать хотя бы в случае праслав. *k (например, *z[a]dъnъcia* ‘наследство’, № 607/562). Не считая скандинавской лексики типа *варяг* (на бересте представленной словом *колбязг*, № 222), фактический материал по *g и *x пока что сводится к местоимению *vъх-, которое, как известно, в Новгороде обнаруживает непалатализованное х (тип *вхоу* ‘всю’). Отметим, между прочим, что десятилетие, отделяющее ДНД-2 от ДНД-1, прибавило не только пять дополнительных примеров типа *вхоу* к уже имеющимся двум десяткам (№ 893, 818, 944, 850, 806), но также и ранние примеры наддиалектного типа *всю* “в грамотах официального или полуофициального характера” (№ 831, 870), до сих пор не встречавшиеся вообще (с. 46).

В 1998 г. наконец впервые обнаружили примеры с рефлексам праслав. *g в позиции прогрессивной палатализации в лексике славянского происхождения, а именно *не леґо* <не льґо> ‘нельзя’ (с. 46–47).

В этой связи важно подчеркнуть, что подобные примеры (*льґа, польґа, ...*) очень широко зафиксированы и за пределами новгородской земли и даже в лехитских языках (например, польск. *ulga* ‘облегчение; льгота’). Вообще в восточнославянском ареале (кроме самого юга) трудно найти недвусмысленные рефлекс праслав. *g с эффектом прогрессивной палатализации. К сожалению, как почти всегда, когда речь идет о прогрессивной палатализации, потенциальный материал крайне скуден. Состоит он, кроме типа *lbḡ-, только из (а) двух существительных а-склонения (*ēga, *stbga), (б) маргинального суффикса *-egъ/*-ēga, (в) ряда глаголов типа *dvigati и (г) существительных с германским суффиксом *-ing-. Это более или менее все². В восточнославянском ареале (опять же кроме самого юга) дело обстоит следующим образом:

(а) Господствует (*баба*)-яґа, ср. польск. *jędza* ‘ведьма’. С существительным *stbga свя-

заны разные трудности, например, широкое распространение реликтовых форм типа *зги* <*stbgy и стилистика современного слова *стеґа*, явно указывающая на церковнославянское происхождение. Современное русское *польза*, как известно, также является церковнославянизмом, тогда как *нельзя* продолжает древний дат. падеж ед. числа lbḡ с эффектом второй палатализации и аналогическим окончанием.

(б) Характерно противопоставление древнерусского *работягъ* ‘раб’ [Срезневский 1843–1903] с польским *robociądz* ‘dziecko, parvulus’ [Słownik 1953 ff.] и древнечешским *robotěz* ‘otrok, robotník’ [MSS 1979: 416; Novák 1934/1984: 140], ср. также [Арумаа 1976: 33].

(в) В восточно-славянском и в лехитском господствует тип *двигать*.

(г) Скандинавский тип *варяг*, как известно, трудно считать решающим, поскольку он, возможно, просто недостаточно древний, чтобы вообще быть релевантным для данного вопроса. С другой стороны, общеславянский тип *князь* охватывает почти исключительно слова более или менее технического характера и само слово *князь*, если оно не является прямым церковнославянизмом, означает общественное явление, возникшее на самом юге восточнославянского ареала, так что вполне может продолжать южную фонетику, или, как говорит А.А. Зализняк: “Характер слова таков, что оно вполне могло использоваться на всей территории Руси в наддиалектной форме” (с. 47). В этой связи большой интерес представляет неоднократно зафиксированная форма дательного падежа ед. числа *кънязюу* (например, 745, ср. 872), с твердым /z/. Появление твердого /z/ именно в данной форме является естественной инновацией в системах, устранивших всякий исторический источник /z’u/ (и /s’u/) путем последовательного выравнивания в пользу непалатализованного *g (и *x) в парадигмах, подвергшихся прогрессивной палатализации.

Небезынтересно отметить, что рефлекс фитонима *vъхъ ‘ядовитое растение из семейства зонтичных’, совсем недавно введенного в дискуссию о прогрессивной палатализации Ф.Р. Минлосом [Минлос 2001; Минлос, Терентьев 2002], обнаруживают ту же географию.

Получается, что аналогическое обобщение непалатализованного *g или *x в парадигмах большинства слов, подвергшихся прогрессивной палатализации, характерно для огромного восточно-славянского, а частично и лехитского, ареала и что специфичность новгородско-

² Предполагаемое праслав. *tridъ не находит подтверждения в материале (совершенно прав здесь [Lunt 1981: 19], менее эксплицитно уже [Milewski 1937: 9]). Заимствованное из германского существительное *gobdza ‘богатство’ вне старославянского, по-видимому, встречается только с *z, а не с рефлексом *g с эффектом прогрессивной палатализации.

псковского диалекта сводится к одному лишь местоимению *весь*³.

В главе "Морфология" (93–154, ср. ДНД-1: 76–135) сообщаются среди прочих новые данные, касающиеся взаимоотношений между новгородским окончанием *-е* в форме им. падежа ед. числа муж. рода *о*-склонения и вновгородским *-ъ*, т.е. между типами *посадыни* и *посадыникъ*. Как отмечалось выше, уже давно было известно, что по крайней мере с шестидесятих или семидесятих годов двенадцатого столетия писавшие берестяные грамоты стали пользоваться вновгородским типом *посадыникъ* даже в контакте с согражданами, хотя бы как стилистический маркированным вариантом наряду с местным типом *посадынике*. Великолепным ранним примером является № 724 (с. 350–354, "вероятно, 1161–1167 гг."; ср. также [Vermeer 1997: 31–43]). На основании материала, содержащегося в ДНД-1, об общественных факторах, способствовавших такому развитию, можно было только догадываться.

В периоды А ("XI – 1 четв. XII в.") и Б1 ("ок. 1125 – ок. 1160 г.") вновгородский тип *посадыникъ* почти полностью ограничен грамотами, не обнаруживающими вообще никаких новгородских особенностей и поэтому поддающимися (хотя бы теоретически) толкованию как имеющие иногороднее происхождение. В ДНД-1 единственным убедительным исключением является грамота № 7366 (ДНД-2, с. 263–265, "стратигр. 10-е – 30-е гг. XII в."), где находим и *възляе*, и *възлять*.

В настоящее время насчитывается около шести ранних грамот с таким выбором языковых средств. Оказывается, что почти все они так или иначе связаны или с князем, или с лич-

ностями, находившимися на самом верху новгородского общества. В случае грамоты № 7366 есть основания предполагать, что за адресатом кроется новгородский посадник Иванко Павлович (1134–1135, с. 262, ср. [НГБ 10: 36]). Новооткрытые экземпляры следующие:

– № 907 (с. 255–257, "стратигр. кон. XI – нач. XII в., внестратигр. предпочт. первое 20-летие XII в."), например, форма им. падежа ед. числа *възляь*, *потаилъ*, но *въткале* и форма род. падежа ед. числа *татъбѣ*. В этой грамоте некий Тук, очевидно действуя в роли следователя, сообщает Гюряте подробности о некоторых преступлениях, упоминая при этом и "татъбоу княжоу", т.е. кражу, так или иначе касающуюся князя. Гюрята "практически надежно отождествляется" с одноименным посадником (с. 256).

– № 831 (с. 302–305, "стратигр. 2 четв. XII в."), например, форма им. падежа ед. числа *даяль*, *поляль*, ср. также *-с-* в род. падеже мн. числа *весьхо <всѣхъ>*, но род. падежа ед. числа *Коузьме*. Адресат Рагуил, "как следует из содержания документа, – родовитый боярин, имеющий не только собственную дружину, но и своего священника (и следовательно – фамильную церковь), занимающий крупный административный пост" [Гиппиус 2004: 180].

– № 849 (с. 318–319, "стратигр. сер. XII в."), например, форма им. падежа ед. числа *самъ*, но род. падеж ед. числа *Маренѣ* и "несклоняемое действительное причастие презенса" *възьмя*. Документ принадлежит к обширному комплексу берестяных грамот, обнаруженных в основном в 1998 г. и связанных с Петром ("Петроком") и некоторыми другими лицами, прежде всего Якшей и Мареной. Содержание грамот, принадлежащих к данному комплексу, недвусмысленно показывает, что Петрок, хотя сам был новгородцем, являлся представителем или агентом князя в его делах с новгородцами, а именно что переписка между князем и новгородцами шла через него. (О Петроке см. в особенности [Гиппиус 2004: 164–174].)

– № 852 (с. 325, "стратигр. 2 четв. – сер. XII в."), например, форма им. падежа ед. числа *сторовъ* "жив-здоров", с наддиалектным окончанием, но с новгородским *ст-* (ср. с. 85). Хотя от этой грамоты сохранился только конец заключительного предложения, содержание недвусмысленно показывает, что в ней князь играл решающую роль.

– Блок № 793 + 806 (с. 312–313, "стратигр. 60-е–80-е гг. XII в."), например, форма им. падежа ед. числа *самъ/ъ*, но *Борисе*. В этих сильно фрагментированных грамотах ничто не указывает на элитарный общественный контекст. Правда, в них упоминается некий Илья,

³ Напомним, что большинство хоть сколько-нибудь приемлемых теорий прогрессивной палатализации (начиная с работ [Бодуэн де Куртенэ 1893: 15; Шахматов 1896: 703–705]) постулирует парадигмы с чередованиями, в которых формы с эффектом прогрессивной палатализации противопоставляются формам без него: например, **ovьsa/*ovьky*, **edza/*ęgy*, **otьsa/*otьkъ*, **kъnedza/*kъnegъ* (впервые [Zubaty 1910: 152], позднее, например [Трубецкой 1922: 228–230; Milewski 1937: 13–15] и др.). Если на славянском юге в таких парадигмах всегда обобщаются результаты палатализации (и даже расширяются в таких примерах как ст.-сл. *навѣщаемъ* 'учим, познаём'), на севере дела обстоят гораздо сложнее и в определенных условиях обобщаются или "восстанавливаются" как раз непалатализованные согласные. О прогрессивной палатализации см. также [Vermeer 2003].

который описывается как “Полюдов староста”, но староста – это все же не посадник и не князь. Может быть, не случайно, что грамоты, принадлежащие к данному блоку, являются существенно более поздними, чем остальные названные здесь тексты.

Если все перечисленные грамоты можно считать показательными, то языковая практика, при которой тип *посадники* стал заменяться типом *посадникъ*, появилась не позже начала двенадцатого века среди членов новгородской элиты, ежедневно общающихся с Рюриковичами, язык которых отличался отсутствием таких новгородизмов, как тип *посадники*, и которые одновременно занимали даже более высокое общественное положение, чем новгородские посадники. В общественном контексте, где тесно сотрудничали, с одной стороны, представители династии, а с другой, коренные новгородцы, последние легко и почти незаметно могли перейти на использование типа *посадникъ* и в письмах к своим согражданам, со временем превращая тип *посадникъ* из совершенно чуждого элемента в составную часть новгородской языковой действительности (ср. [Зализняк 2003: 220–221]). Нам представляется, что появившаяся в последние годы возможность своими глазами наблюдать за этим процессом, по важности не уступает открытию отсутствия в Новгороде и Пскове эффекта второй палатализации.

“Нервом” рецензируемой книги является, однако, часть вторая: “Тексты с комментариями” (с. 227–694, ср. [ДНД-1: 211–580]), составляющая в каком-то смысле ее главное богатство. Новое издание пополнено берестяными грамотами, обнаруженными в последние годы, а именно, новгородскими грамотами (№ 754–950) и первой грамотой, найденной на Новгородском Городище, а также грамотами из Старой Руссы (№ 28–38), Твери (№ 3–5), Торжка (№ 1–19). Так как критерии для помещения текстов в ДНД-2 сравнительно с первым изданием стали несколько свободней, мы находим в нем более сорока ранее уже известных, но не включавшихся в ДНД-1 текстов, к которым относятся прежде всего азбуки (например, № 591, 460), а также различные фрагменты.

Поучительно, но и чрезвычайно занятно прочитать весь этот корпус подряд, внимательно наблюдая, как языковое состояние одиннадцатого века постепенно превращается в диалект, уже во многом существенном совпадающий с современным русским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арумаа 1976 – P. Arumaa. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studi-

um der slavischen Sprachen II: Konsonantisierung. Heidelberg, 1976.

Бодуэн де Куртене 1893 – И.А. Бодуэн де Куртене. Два вопроса из учения о “смягчении”, или палатализации в славянских языках. Оттиск из “Уч. Зап. Имп. Юрьевского Университета”, 1893.

Гиппиус 2004 – А.А. Гиппиус. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // НГБ 11. 2004.

Зализняк 2000 – А.А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // НГБ 10. 2000.

Зализняк 2003 – А.А. Зализняк. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Ред. В.Л. Янин. М., 2003.

Марузо 1960 – Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

Минлос 2001 – Ф.Р. Минлос. Об одном не тривиальном фонетическом соответствии (рус. *věx*, зап.-укр. *вєсь*, морав. *veš*) // Die Welt der Slaven. 46. 2001.

Минлос, Терентьев 2002 – Ф.Р. Минлос, В.А. Терентьев. Рус. диал. *вѣх*. Этимология // Studia linguarum 1–2, Memoriae A.A. Korolev dicata. 2002.

НГБ 10 – В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.

НГБ 11 – В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

Срезневский 1893–1903 – И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903.

Трубецкой 1922 – N.S. Troubetzkoy. Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun // Revue des études slaves. 2. 1922.

Шахматов 1896 – А.А. Шахматов. К истории звуков русского языка // ИОРЯС. 1. 1896.

Lunt 1981 – Horace G. Lunt. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.

MSS 1979 – Malý staročeský slovník / J. Bělič (red.). Praha, 1979.

Milewski 1937 – Rocznik slawistyczny. 13. 1937. Rec.: R. Eklom. Die Palatalisierung von *k*, *g*, *ch* im Slavischen. Uppsala; Leipzig, 1935.

Novák 1934/1984 – K. Novák. Slovník k českým spisům Husovým. Praha, 1934 [Nachdr. besorgt von G. Freidhof. München, 1984].

Słownik – Słownik staropolski / K. Nitsch (red.). Warszawa, 1953– (продолжающееся издание).

Vermeer 1997 – *W. Vermeer*. Notes on medieval Novgorod sociolinguistics // Russian linguistics. 21. 1997.

Vermeer 2003 – *W. Vermeer*. Comedy of errors or inexorable advance? Exploring the disfunctionality of the debate about the progressive

palatalization of Slavic // Studies in Slavic and general linguistics. 30. 2003.

Zubatý 1910 – *J. Zubatý*. Výklady etymologické a lexikální // Sborník filologický. 1. 1910.

B. Vermeer